

A woman with blonde hair, wearing a bright blue knit hat and a light blue quilted jacket with a dark fur collar, is smiling. She is holding a wooden-handled axe with a green, snow-covered head. The background is a soft-focus snowy scene.

Соня Дивицкая
ЖЕНСКИЕ ТРАГЕДИИ

СНЕГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Соня Дивицкая

Снег

Серия «Женские трагедии», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70185184

SelfPub; 2024

Аннотация

История семейной жизни симпатичного дальнбойщика и неприятной служащей ЗАГСа. Измены, ревность, любовь в провинциальном городке. В холодную снежную погоду согреет только настоящая любовь. Рассказ из сборника ироничных рассказов и фельетонов "Чудесное зачатие". Для бесплатного ознакомления.

Соня Дивицкая

Снег

Надюшка всю жизнь обижалась на мужа, он ей изменял. Муж у нее был дальнобойщик, так что можно сказать, все его гульки были издержкой профессии. Дальнобойщики у нас частенько мужички гулящие. То ли у них там кровь в тазовые мышцы активнее приливает от долгого сиденья за рулем... То ли мозги у них не перегружены информацией и ответственностью, которая отвлекает от мыслей о сексе. Скользящий график, опять же, дает им ту свободу, о которой мы только мечтаем. Сидим и мечтаем с восьми до пяти. Неважно, как и почему... Короче, от Надюшки муж гулял, а она от него – нет. На этом основании она считала себя порядочной женщиной, а его вонючим кобелем.

Нормально. Только я бы не спешила соглашаться с таким раскладом, я бы посмотрела на нее, Надюшку, если бы в районном загсе, где она работала регистратором, вдруг появился какой-нибудь любвеобильный потаскун. Эти непогрешимые женщины иногда так удивляют, так бодрят...

А, кстати... Были искушенья? Дерзнул ли кто-то флиртануть с этой скрепой? Точно неизвестно. В таких делах никогда нельзя быть уверенным. Какие-то там ухажеры, так старомодно она называла мужчин, ей годочков-то, кстати, было

уже и немало, какие-то ухажеры все до свадьбы еще вроде бы фигурировали, а после свадьбы – ни-ни, никаких компроматов не было.

Темперамент у Надежды Ивановны был наш, степной, умеренный, мы в Черноземье все ленивые, борща нажремся и подремываем, сериальчик смотрим. И внешность тоже наша у нее была, провинциальная. Бабенки наши оплывают сразу после свадьбы, гримируются ярко, одеваются аляписто... Простите, девушки... Сейчас это было мелкое мое поганство, не удержалась, извиняюсь. Нормальная была Надюшка баба, такая же как все, мы все в лосинах дома ходим. Тем более я с самого начала говорю – муж дальнобойщик, был бы он художник у нее, мы бы ее за второй подбородочек поругали, а дальнобойщику и так сойдет.

Свою тяжеленькую задницу Надюшка объясняла родами, и никого не колышет, когда они были, те роды, так все у нас живут: родила одного – и жрет потом всю жизнь с чистой совестью. Надо сказать, что девочки из нашего районного ЗАГСа очень любят поесть. Как ни придешь – там перерыв: «У нас обед, у нас обед». Сфера их интересов сконцентрирована на кухне, не в спальне, а на кухне, может быть, поэтому большинство женщин из нашего ЗАГСа и других отделов администрации очень верные жены.

Каждый день Надюшка приносила на работу что-то вкусненькое. Девочки любили поразвлечься в свой законный час, собирали на общий стол котлетки, селедку под шубой, блин-

цы... И вечно у них что-то фаршированное, и вечно они запекают в фольге, и во фритюре они жарят, и в кляре обязательно, и свинина у них никогда не бывает просто свиной, вечно завалят ее картошкой, майонезом заливают и назовут все это «мясо по-французски»... Мясо по-французски? Ха! Ха! Ха! Ложь в каждом слове!

Не буду отвлекаться, я не просто так сейчас изливаю желчь, я рассказываю про будни верных жен. Вся эта бесконечная тяжелая и жирная жратва во многом объясняет их супружескую верность: сытое брюхо к учению глухо.

Так вот, в перерыв вся контора садилась пожрать, и горе, горе случайному посетителю, который заглядывал в наш маленький районный ЗАГС. Если вдруг мужичок наш простой в рубашонке своей застиранной в крупную тюремную клетку сунет нос к этим гарпиям и виновато промямлит: «Девочки... Мне бы справочку... Меня с домоуправления прислали». Все! Пропал человек!

– Мужчина, дверь закройте, – его одернут строго. – У нас обед! «Обед». Читайте, на двери написано.

Мужичок скиснет сразу, смотрит на свои бумажки виновато. И вдруг одна найдется, добрая, та, что уже поела, утолила основной инстинкт, облизываясь, оттопыривая жирные пальчики, она подбородочек круглый в сторону посетителя приподнимет, кинет взгляд в его бумаги и скажет ласково:

– А-а... Так это вам не к нам. Это вам в домоуправление.

– Так я ж из домоуправления!

– Тогда идите в паспортный.

– Обратно в паспортный?

– Я ж говорю, мужчина! Вам не к нам.

Да, да, да, да! Мы все понимаем. Нам не к вам, нам в домоуправление или в паспортный, или в МУП, или в СУП, или к чертям собачьим или куда подальше... Даже удивительно, что это нас к вам в ЗАГС занесло?

Надюшке нравилась ее работа. Она любила канцтовары, все эти папочки, штампики, бланки... Но больше всего она обожала свадьбы. Каждую субботу она регистрировала свадьбы. Да-да, это она читала молодым торжественное напутствие фальшивым голосочком. Почему фальшивым? Почему у всех регистраторов такие фальшивые голоса? Потому что они говорят то, о чем понятия не имеют. Любовь, верность, ответственность, судьба... Это же все философские понятия, зачем они вставляют их в свою торжественную речь? Зачем вообще на регистрации брака торжественная речь? Вы в курсе, кстати, что все торжественные речи в ЗАГСе действуют на молодых мужчин лучше любого брома, и в ходе последних исследований выяснилось, что многие пары, которые прошли торжественную регистрацию, в первую брачную ночь любовью не занимаются!

Каждую субботу для церемонии Надюшка надевала красный костюм, пиджак с плечами, юбка в пол, туда же блузка белая с манишкой, на манишку она выкладывала свое «золото партии» и делала высокую прическу а-ля Бриджит Бар-

до. Сейчас уже, небось, никто из молодых девчонок не знает эту итальянскую актрису. И костюм, и манишка, и золото Надькино тоже вышло из моды, да и вообще церемония в нашем ЗАГСе, в тяжелом здании с советскими барельефами, выглядела дешевым провинциальным карнавалом. Но это на мой вкус, испорченный, только на мой, Надюшка обожала свой театр и свой красный костюмчик, и свою роль жрицы. Она всегда приподнимала подбородочек, подчеркивая значимость момента, и строго спрашивала молодых:

– ...и прежде, чем зарегистрировать ваш брак, властью, данной мне Российской Федерацией, я хочу вас спросить, Антон и Соня, является ли ваше желание создать семью осознанным и добровольным?

Ну, естесственно. Никто нас на аркане жениться не тянул. Наш университет давал женатым отдельную комнату в общежитии, мы это быстро просекли и бегом к Надюшке за бумажкой, снимать квартиру бедным студентам было не на что.

Про измены мужа Надюшка знала всегда. Никаких женских комплексов по этому поводу не испытывала, конкурировать с соперницами не собиралась, униженной себя не считала, совсем наоборот, Надюшка возвышалась, мужнины грешки внушили ей чувство собственного превосходства над грязным блудливым котом.

Что делают молодые женщины в такой ситуации? Если муж гуляка? Идеалистки обычно уходят, иллюзии рухнули

– все, идеалистки уходят искать идеал. Реалистки не спешат разводиться, реалистки не будут просто так отпускать на свободу свои ресурсы, они сначала подсчитают плюсы-минусы, и если плюсов больше, реалистка не разведется никогда. В семейной жизни все как на вступительных экзаменах: проваливаешь один предмет, но у тебя есть шанс хорошо сдать другие и пройти по сумме баллов. Надюшкин муж по сумме баллов проходил. Она его и в первый раз простила, и во второй, и прощала всю жизнь, двадцать пять лет подряд, не сомневаясь, кстати, ни на секунду, что имеет право прощать.

Тяжело... Женщины, у которых мужья постоянно гуляют, Надюшку поймут. Все время подозревать, принохиваться, шарить по карманам, проверять телефон тяжело. Каждый пропущенный звонок – и у нее давление сто пятьдесят. Она любила иногда пожаловаться на работе, во время перерыва обеденного у нее была минутка психотерапии, она рассказывала о своих переживаниях, не забывая, впрочем, откусить котлетку.

– ...уехал он, а ты и думай... не накручивай, не накручивай... мне ж надо поделиться... выплеснуть... я ж не могу в себе... скотина он... какая он скотина... приехал... а вы смотрите на него... морда счастливая... в кармане трусы... она ему засунула, он, дурачок, не замечает... улыбается... а вы смотрите на него... приехал он домой, с ее трусами...

Обычно у нас все сочувствуют таким женщинам, но в ЗАГСе девочки Надюшку не жалели, вслух ей поддакивали,

а про себя завидовали. Каждая из ее подруг в душе прощала Надюшкиному мужу все, и совсем в глубине души девочки считали, что Надюшкин муж гуляет только от Надюшки, а от нее бы он ни в жизни не гулял.

– Какие у нее к нему претензии? – рассуждали девочки. – Трусы он ей привез... Привез – это не увез! А мой вон взял мою ночнушку и соседке подарил! А я смотрю, она сушить повесила... Чет, думаю, ночнушка у нее прям как моя? Они что ж, думали, я что, свою ночнушку не узнаю?

Нет, у Надежд Ивановны муж такими глупостями не занимался, он организовал своей жене комфортную жизнь. Надюшка не знала, что такое квитанция за коммуналку и где ее оплачивают. Она не знала, почему у нас газ, почему свет. Она не знала, что такое обвалился потолок, не знала, что такое сапоги в ремонте, не знала, где достать навоз и что потом с ним делать... Она не понимала даже, какая срамота ее же собственная зарплата, Надюшка думала, что круто зарабатывает, то есть круто получает, у нас все говорят обычно «получать зарплату», городок у нас был сплошь бюджетный, таких самостоятельных, как Надюшкин муж, у нас и сегодня единицы.

В те самые лихие девяностые, которыми теперь детей пугают, этот работающий мужичок хватанул КамАЗ в своей автоколонне... У нас не говорили «выкупил» или «взял старое железо и отремонтировал», у нас говорили «хватанул по дешевке КамАЗ и теперь зашибает».

Надюшка жила как белая женщина, варила борщ и нянчилась с внучкой, у нее как раз только родилась внучка, и всю свою зарплату она спокойно транжирила на милые детские вещички. Тут же в центре города, в маленьких магазинах, в перерыв она покупала подарки и сразу на работе разворачивала перед коллегами нежные платица, розовые башмачки, а заодно кастрюльку новую и для себя туфлишки, и двадцать пятые сережечки ей приглянулись. Коллеги не могли простить ей такое мелкое потребительское счастье, и даже радовались втихаря, что этой жопе изменяет муж.

– Изменяет он ей!.. Пожалейте ее! Надя своего кобеля застукала! А она, случайно, не застукала, как ей с мужиком повезло? Он где гуляет? Она и знать не знает, где он у нее гуляет. А мой с соседкой! На глазах! И все из дома прет! Я десять банок закрутила, огурцы мать принесла, я десять банок закрутила... Смотрю, уж трех и нету! Три банки огурцов моих отнес...

– Еще и в рожу получаешь!

– А эта своего ни разу пьяным не видела...

– Я б ей сказала... Так бы прямо и сказала: «Ты поживи с моим! Я целый год работала на игровые автоматы! Год целый не могла с ним справиться, только деньги видит, сразу в автоматы бежит. Да лучше бы он, собака, к бабам бегал! Все дешевле бы вышло!

– ...и хочет, чтоб еще не изменял! Этот кабель ей сына выучил, от армии отмазал, на работу его всунул... Так еще

и дом ему строит!

– Не дом! Это он ему не дом – он ему домину отгрохал! Они ж со мной рядом участок взяли. Эт не дом, эт там у них домина...

– Да я б такому мужику и слова не сказала! Я б его в жопу целовала каждый день!

Так рассуждали девочки из ЗАГСа, да и вообще все женщины в нашем городке. Не хочу ничего добавлять, спорить тоже не буду, я стараюсь быть объективной, если вы заметили, я очень стараюсь, и даже пытаюсь скрывать свою неприязнь к бедной Надюшке.

Да, да, да! Она мне не нравится! Не могу с собой поделаться ничего, раздражает меня ваша дорогая Надюшка. Чем? Меня раздражает ее неподвижность. Хроническая лень, нелюбопытство, безучастность. У нас в провинции такие отклонения выдают за скромность, сдержанность и даже, извините, мудрость. А вы попробуйте, сходите в ЗАГС оформить какую-нибудь несчастную бумажку, и пусть вам повезет обратиться к такой скромнице.

– Девушка... – вы улыбнетесь этой тетке, извиняясь заранее непонятно за что. – Мне нужно восстановить свидетельство о рождении. Потеряли...

Ага... Щаз! Так она и кинулась оформлять вам свидетельство. Всех дел на три минуты, найти в компе ваши данные и отшлепать новый бланк. Но за каким-то чертом она вам сделает казенную морду, окатит презреньем, чтобы вы испы-

тывали трепет в государственном учреждении, а потом отправит вас куда подальше за справкой, за выпиской, за копией... Естественно, она вам ничего отксерить тут не может, ксерокс у них «тока за себе», а вы идите в магазин через дорогу, ксерокс там. Что угодно готова Надюшка придумать, лишь бы не работать. Она меня два дня гоняла с моим свидетельством, и как после этого она может мне нравиться? Я после этого свидетельства теперь вообще не уверена, какой грех страшнее: секс на стороне или наплевательское отношение к своим обязанностям.

Неважно! Мое мнение в этой истории совершенно неважно, тем более наше женское мнение легко меняется, смотря откуда дунет ветерок. Когда гуляет чужой муж – это у нас нестрашно, это не грех, это мужские проказы, а когда у своего мужика появляется любовница – это особый случай, дайте срочно телефон психолога. Поэтому не будем раздражаться, едем дальше.

Все было хорошо у них, у Нади с мужем. Иногда она, конечно, обижалась на него, скандалила. Ее соседка, жена нашего вечно пьяненького учителя рисования, поглядывала за ней через забор, когда белье развешивала, интересно же, чего там Надя разоралась.

– Ты слышала? – говорила соседка. – На повороте возле элеватора?... Фура-то... перевернулась. А ты орешь на своего. Он только приехал, дай отдохнуть мужику!

– Пусть он сто раз перевернется! – плевалась Надя. – Приехал – лыбится! Чего ты лыбишься? Совести нету. Я сижу его вечером жду, а он ток утром едет! КамАЗ у него поломался! И врет не краснеет! А то я не знаю твое «поломался». Хоть бы хер у тебя поломался!

– Тьфу! Тьфу! Тьфу! – шутила соседка. – Ты чего? Ни себе ни людям! Иди, корми!

– Пусть сам себе готовит! Я этого кобеля кормить не буду! Кобель кормился сам. Надюшкина картошка, которую она на ужин приготовила, стояла тепленькая на плите, но со своей сковороды она ему есть запретила. А и не больно-то хотелось, вашу бледную тушеную грусть!

Муж у Надюшки был веселый, он тут же на соседней сковородке пожарил свой отдельный картофан, с лучком и с молодой парной свининкой, которую он по дороге купил в деревне у знакомого мужичка. Посыпал это все укропом с грядки, чеснока туда на терочке немножко сверху... Боже мой! Какие были ароматы! Соседка все унюхала. Надя тоже унюхала, увидела поджаристую корочку и быстренько переметнулась на мужнину сковородку. Наелась, на диванчик прилегла, включила новости, муж рядом примостился, и они заснули дружно под телевизор. Так что, как видите, жили они душа в душу, и мелкие его проказы, и Надюшкины вопли никому не мешали.

Свою женскую холодность, этот типичный инфантилизм, который в наших краях нередко встречается, Надюшка ком-

пенсировала легким садизмом, лингвистическим в основном. Она не дралась, тактильных контактов не провоцировала, ей просто нравилось ругаться.

«Потаскун, твои шалавы, твои шлюхи, кобель вонючий, ничтожество»... Не буду повторять, она могла и круче завернуть, эта милая женщина. Обложит мужика, а потом в своем ЗАГСе читает молодым торжественный бред о любви и верности.

«Кольцо является совершенным кругом», – я как это услышала, чуть не упала, хотела тут же позвонить Раисе, нашей математичке, которая мне три всадила по геометрии. «Алло! Раис Иванна? Вы слышали, что ваша старая подруга людям говорит? «Кольцо является совершенным кругом»!»

Дальше было еще страшнее. «Кольцо не имеет начала и конца, – заклинала Надюшка. – Оно обозначает ваше совместное желание иметь бесконечную любовь друг к другу»... Серьезно! Она такие мантры нам на регистрации читала! И я стояла, крошка, хлопала ушами.

«Находясь вместе или в разлуке»... – продолжала Надюшка. В каком еще месте? Кто ей это писал? «Пускай кольцо будет постоянным напоминанием вам»... Пускай! Я не против, как вам угодно. «Пускай кольцо будет вам постоянным напоминанием об обещании, – Надюшка тут споткнулась, – обоб, обоб, – ее заклинило, – обобещании! которое вы дадите сегодня». Выдадим, выдадим, насчет этого не беспокойтесь, я специально записала за Надюшкой этот бред и вот те-

перь его вам выдаю.

Да, это моя маленькая месть за тот несчастный дубликат моего свидетельства о рождении, которое я вытрясала из нее два дня. А впрочем, я к словам не придираюсь, я просто говорю, что несмотря на мелкие конфликты, Надюшка в своем браке была счастлива.

Хорошая семья, и сын у них, и внучка. Каждый раз во время ссоры Надюшка кричала с гордостью: «Это мой сын! Это я его тебе родила!» Ребенок родился двадцать пять лет назад, но муж не забывал, он любил вспоминать, похохатывая, как Надюшка его затащила в свой любимый ЗАГС. Надюшка сказала: «Я беременная», он расписался, а ребенок у них родился только через два года. Тоже хорошо! И муж был рад, и сына обожал, да и сама Надюшка, по большому счету, мужу своему тоже нравилась.

У нее был один очень ценный талант – она умела структурировать жизнь. А то вы скажете, что я совсем затюкала Надюшку, вот, я сейчас подтверждаю: у Надюшки был талант. Она взяла мальчишку, студента, разгильдяя, и сделал из него хорошего мужа. Картошкой накормила, комнату в общежитии перегородила шторкой, от плохой компании оторвала. «А то бы сел давно! Ты кто был-то? Хулиганье! Вечно рожа разбитая. Сидел бы сейчас, если бы я тебе мозги не вправляла!» Так и есть! Так и есть! Тут никто и не спорит, муж тоже был уверен, что не пропал благодаря жене, жена

дисциплинирует.

Надюшка как диспетчер строила маршрут из пункта А в пункт Б. Квартира, дом, гараж, машина, ремонт, Анапа, сапоги, шуба, маму в санаторий, ребенку что-то там... Цели незатейливые, но зато реальные. Надюшкин муж, как многие простые мужички, на крутую горку лезть не хотел. Попросите у него цветочек Аленький – он не поймет, он испугается. Простые мужички боятся женщин, которые их заставляют гнать во всю по трассе, простые мужички любят свои тормоза. И он любил Надюшку, он все вообще любил, к чему привык. Он даже свой КамАЗ никак не мог продать, ему давно пришла пора менять машину, а он все ремонтировал и ремонтировал, и ремонтировал.

Насчет соседки, кстати. Надюшке она показалась подозрительной, соседка слишком активно заступалась за ее мужа. Поэтому на всякий случай Наденька решила соседку замуровать. Скинула мужу заявочку, чтобы он поставил кирпичный забор, два метра, говорит, достаточно, и забор появился как по взмаху волшебной палочки. Соседка забиралась на лестницу, посматривала с мансарды, как наш герой работал во дворе, и восхищалась: «Крутится мужик как бетономешалка!»

Чего он так старался? Неопытные девочки об этом спросят, я догадываюсь, чего он так пахал для нежеланной женщины? Потому что шофер, я сто раз повторила, шоферюга, простой мужичок, а для шофера важно, чтоб гараж был теп-

лый. Семья – это гараж, это теплый гараж, куда ты приползаешь из рейсов. Тут не надо бурлить, тут хорошо отдыхать, отсыпаться, а настоящая жизнь – это дорога.

– Все носится, и носится, и носится, лишь бы из дома убежать! – ругалась Наденька, родная наша, – все лишь бы хер своей пошустрей пристроить!

А как иначе? Три выходных – и вешалка, он начинал скучать. Неделя дома максимум, через неделю ему хотелось в дальний путь, хотя бы на тышчонку километров.

Хорошо, когда есть куда ехать. Сидишь за рулем, ведешь машину, и кажется, что ты и правда чем-то в этой жизни управляешь, имеешь цель и даже время догоняешь заодно. Начинается дождь в Воронеже, а ты от него в Рязань убежал. И разумеется, дорога веселее, когда ты знаешь, что где-то через пару сотен километров тебя ждет женщина, да, да, да, все его романчики были в основном дорожными.

Маршруты были постоянными, раз в неделю Краснодар, например. А по пути местечко есть, то ли Верхний Мамон, то ли Нижний, там и стоянка, и шоферский ресторанчик. Он заезжает пообедать, заказывает фирменную ростовскую солянку и пирожки, пирожки из Мамона все покупают с собой, отличные в Мамоне пирожки... И вдруг выходит из-за стойки милая буфетчица, и улыбается, и говорит: «Ждала»... Конечно, каждый раз он предвкушает командировку по трассе Дон, и каждый раз в Мамон сворачивает и остается переночевать. И так годочка три-четыре. А потом вдруг раз – логи-

стика меняется, он оставляет трассу Дон и берет заказы на Питер. Почему? Он объяснял, что долго по одной и той же трассе ездить не может, что на знакомой местности теряет концентрацию и даже засыпает за рулем.

Многие водители, наоборот, предпочитали работать на постоянном маршруте. Когда ведешь большую груженую фуру, важно знать и дорогу, и людей, которые встречаются, все эти безопасные стоянки, удобные заправки, места, где дежурит полиция, камеры, и рожи знакомые видеть в шоферских забегаловках многим важно. А этого раздражала монотонность, он начинал быстрее уставать, шел на какие-то ненужные обгоны, а было, что совсем срывался и устраивал драку в дорожном кафе. Последняя драка как раз и случилась в том самом Мамоне. Кто-то там из молодых водителей слишком весело травил байки про местную буфетчицу, он подошел и хорошенько дал по морде.

Не все, конечно, одинаково устроены. Надюшке нравилось всю жизнь ходить одной дорогой в свой распрекрасный ЗАГС, наряжаться в красный костюмчик и двадцать лет подряд читать один и тот же текст. Каждый раз с одним и тем же выражением лица, выпячивая очи, приподнимая подбородок, вскидывая голову, так что подпрыгивала ее высокая прическа, она многозначительно ждала, пока молодые ответят «да» на ее протокольные вопросы и подпишут свой приговор.

— Готовы ли вы, Антон и Соня, вступить в законный брак,

согласно закону Российской Федерации?

Ой, ну, готовы мы, готовы! Иначе что бы мы тут стояли, ваш апокалипсис выслушивали? Мы давно уже были готовы, мы женились на пятом месяце беременности и сразу решили: рожаем, получаем свои дипломы и сматываемся. Сидеть всю жизнь в Черноземье, ходить всю жизнь на одну и ту же работу мы не собирались, нам с мужем тоже нужна была дорога, общая, одна на двоих. Наверное, в детстве нам мозги прогрела эта веселая пионерская песня:

Вместе весело шагать по просторам, по просторам,
И конечно припевать лучше хором, лучше хором...

Нас занесло в Краснодар, мы продавали там резину для сельского хозяйства. Как в супермаркете у кассы есть лента, так и в сельхозмашинах такой резины полно. И вот каким-то чудом мы продавали краснодарским фермерам резину, хотя у них под носом был свой резиновый завод. Но краснодарские свою резину не любили, все говорили, что местная резина некачественная, в Краснодаре все покупали резину из Курска. И точно так же говорили в Курске, что их родная курская резина – дрянь, а краснодарская хорошая. Заводы резиновых изделий и тут, и там были абсолютно одинаковые, старые советские, что в Курске, что в Краснодаре, и выпускали они по одной технологии абсолютно одинаковую стандартную резину, но людям хотелось не свою, а привозную. Вот мы и перебрасывали курскую резину в Краснодар, а краснодарскую в Курск. Фермеры оплачивали доставку, на-

ценку, а могли бы все сами спокойно купить возле дома. Но нет, не хотели они брать то, что рядом, всем хотелось чужую далекую загадочную резину. Из-за этой резины мы и подружались с Надюшкиным мужем, мы отдали ему этот заказ, и он три раза в месяц делал рейс из Курска в Краснодар.

Как многие гуляки, этот кудрявенький был похож на ко-та. В кармане у него всегда была конфетка, шоколадка... И хлеб, я просила его привезти черный хлеб, на Кубани был пышный, белый, очень вкусный хлеб, а мне хотелось наш, серый, кислый. «Спасибо, умница, красавица...» – это вылетало у него легко, без напряженья, так что пока я оформляла ему документы, наша кладовщица млела, переползая всякий раз со склада в офис, как только появлялся его КамАЗ, она приносила ему чай, он доставал мамонские пирожки и рассказывал свои новости, про сына, про внучку, про жену. «Моя Надюшка, моя Надюшка, Надюшка приболела»... Ага, приболела она у него... Твою Надюшку об дорогу не разобьешь!

Вот так он к нам по трассе Дон четыре года ездил, а потом перестал останавливаться в Мамоне, и у нас в Краснодаре немножко поспит и быстрее назад, а про Надюшку ни слова. Да, разговоры странные по телефону начались, все время «миленькая моя, миленькая моя» и улыбается.

Появилась новая женщина. То ли оттого, что жила она рядом, и ее легко было встретить на знакомой улице, то ли и правда попалась ему интересная баба, то ли сам он пере-

бесился и дозрел до настоящей женщины... Кто их поймет, этих мужчин? В общем, он взял и передал наш заказ своему другу. Сказал, что теперь будет работать только возле дома, что дальше, чем на пятьсот километров, брать заказ не будет. Так и накрылись наши пирожки из Мамона. И плакала там бедная буфетчица. И заскучала наша кладовщица. И официантку из Донской ухи теперь хоть за смертью посылай.

Надюшка орала истошно, в этот раз по сводкам соседки. Как она узнала? Да никак. Звонили ей, вы же знаете, кругом полно доброжелательниц, которые с удовольствием оповестят вас, если заметят в машине у вашего мужа какую-нибудь блондинку. Нет-нет, они не думают и не предполагают даже, что кому-то это может быть неприятно, что в конце концов в их дом, их мужу тоже кто-то позвонит. Они чисты, практически безгрешны, их неподвижность – гарант их безупречной репутации. И это верно, доброжелательницы никогда грешить не будут, как старый ржавый утюг, который не включен в розетку, уже никогда ничего не прожжет.

Первый раз в жизни Надюшка испугалась. Ее насторожило, что муж не отвирался. Вся его жизнь прошла в ловком вранье, он отлично умел заговаривать зубы, а в этот раз, когда она вlepила ему пощечину, он отряхнулся и просто сказал – ухожу.

Все сжалось у Надюшки... Она сама так говорила девочкам из ЗАГСа: «У меня аж прямо все сжалось». Остаться одной в нашем городе страшно, тем более без такого мужа,

который крутится для семьи как бетономешалка. Остановите мешалку – что станет с бетоном?

Надюшка жаловалась на работе, что у нее кобель на старости лет сорвался с цепи, что она боится свалиться с инсультом и ночами не спит, хотя при всех страданиях аппетит у нее не пропал, даже усилился. Она каким-то образом могла жевать без остановки и рыдать одновременно. Перетирала энергично крепкими зубами сухую и безвкусную как тряпка куриную грудку с грибами и, конечно, с майонезом, с сыром отвратительным ее Надюшка запекла, зачем оно ей было надо, непонятно. И теперь жевала и рыдала, жевала, разгрызая мясное жесткое волокно, и с набитым ртом рыдала:

– Что делать? Что ж теперь мне делать? Как же я теперь одна?

Девочки в этот раз оживились, пришли в приятное возбуждение и дали адресок Надюшке:

– У нас тут бабка есть одна...

Бабка, ну естественно, я ничего от них другого и не ожидала. Наши женщины пропускают визит к гинекологу, к стоматологу, на собрания родительские не любят ходить, в церковь, в театр им некогда, но к бабкам, как выяснилось, бегают регулярно. Отец Василий, настоятель храма, ругал их постоянно, особенно когда они к нему на освещение несли колдовские амулеты.

– Чего ревешь, я не пойму? Муж у тебе гуляет, и чего? Это ж он гуляет, себе хуже делает, ты чего ревешь? Ты-то от

него не гуляешь? А?.. Не гуляешь – и хорошо, тогда и не о чем тебе беспокоиться. Иди, помолися – Бог все рассудит, – так у нас отец Василий обычно говорил.

Девушки наши ждать не хотели, пока Бог рассудит, и бежали сразу к бабкам, бабки обещали мгновенный результат.

Кстати, той самой бабке было всего лет шестьдесят, не больше, то есть получается, она начала заниматься предпринимательской деятельностью еще лет в сорок, когда вообще была не бабкой, и теперь, через двадцать лет у нее образовалась клиентура, накопились положительные отзывы, она сочинила себе биографию и сама начала верить, что является потомственной ведьмой. В какой только маразм не способны поверить люди, тем более за двадцать лет.

– Что ты хочешь? – спросила бабка Надюшку.

Надюшка задачу поставила четко:

– Хочу, чтобы остался, чтоб не гулял и... чтоб он вообще на женщин не смотрел!

Ноу проблемз. Бабка попросила фотографию мужа. Пошептала над ней, побрызгала чем-то, обожгла по краям и вернула Надюшке.

– Сжигать не будем? – шепнула Наденька.

Бабка усмехнулась и дала ей простую инструкцию.

– Повесь эту фотографию дома, в незаметном месте, лицом к стене, и спи спокойно, муж останется с тобой.

Надюшка сомневалась, что бабка ей поможет. Она смотрела шоу «Битва экстрасенсов», но у нее ума хватало пони-

мать, что это просто развлекательное шоу, может быть, потому что Надюшка и сама занималась аналогичной разводкой в своем ЗАГСе, изображая жрицу «именем Российской Федерации».

В случае с бабкой она поняла, что это еще и вымогательство. Надюшка не готовилась к большим расходам. Зашла к той аферистке в порыве, скорее, как к психологу, чтобы «поделиться, чтоб в себе не держать». Делилась, успокаивалась, у нее немножко отлегло, она остыла и тогда ей стало жалко денег, которые запросила бабка за свою психотерапию.

– Я подумаю, – ответила Надюшка.

– Еще вернешься ко мне, – обиделась злая колдунья.

КамАЗ тарахтел у ворот, во дворе воняло солярой. Муж позвал ее спуститься в подвал, хотел показать, как работает газовый котел, чтобы она могла запустить его, если вдруг отключится, как воду перекрыть, если что, где электрический щиток. Надюшка плюнула, сказала:

– Не твоя забота!

Соседка точно слов разобрать не смогла, но, кажется, Надюшка кричала, что у нее есть сын, сын ей поможет, «а ты, кобель поганый, убирайся к своей шалаве, и КамАЗ заберу, по суду заберу, и уйдешь как пришел, с голой жопой», и прочее.

Муж подхватил свою котомку, все его вещи поместились в одной спортивной сумке. Он поехал забирать свою новую любовь, она ждала его у себя дома. Вроде бы они все заранее

решили, договорились, что переезжают к нам, в Краснодар, там для него всегда была работа, но что-то вдруг произошло. Машина ждет, салон прогрели, а девушка никуда не поехала. Никто не понял, почему она вдруг передумала. Это вообще невозможно понять, почему одни люди кидаются в путешествия и легко меняют маршруты, а другие боятся переклеить обои. Наверное, этому кудрявенькому стоило искать себе любовь южнее где-нибудь или, наоборот, на севере, а в нашем городке люди на подъем тяжелы, хотя мечтают, всю жизнь мечтают о новых дорогах, тяготятся своим болотом, но никогда никуда не переезжают.

Надюшка эту ситуацию объяснила по-своему, легко и просто:

– Потому что ты – мудак! Кобель вонючий! Что думаешь, любая дура жить с тобой пойдет? Нет, дорогой. С кобелем она жить не захотела, с кобелем только по кустам кувыркаться хорошо.

Он вернулся домой быстро, Надюшка и не ожидала, она еще рассказывала соседке, как ее хотела наколоть на три зарплаты наглая бабка, а он уже возился в гараже, собирался в обычный рабочий рейс. Счастливая Надюшка побежала к мужу, повисеть над душой, и опять загундела свое:

– ...вернулся он... отбрили кобеля. Прискакал!.. Че ж ты, скотина, ко мне прискакал? Что, идти больше некуда? Помнишь, как ты вот тут мне сказал – ухожу! Иди! Проваливай отсюда, чтоб я тебе не видела! Ничтожество! Ты никому не

нужен!

Надюшка ругалась, точнее экспрессивно радовалась, а он нам сразу позвонил, сказал, что будет все как прежде, что сейчас он выезжает в Курск, грузится там, и на следующий день будет у нас в Краснодаре. Мы не просили, он сам согласился на старый маршрут.

В общем, жизнь наладилась. Мы успешно торговали туда-сюда резиной. Наша кладовщица опять зацвела. Он, кстати, наконец-то продал свой старый КамАЗ и купил крутой тягач, большой, красивый, как в американских фильмах. Кабина-люкс, я посмотрела, там и правда сидишь как в космическом корабле, салон шикарный, спать просторно. Он говорил, что берет теперь много заказов, дома почти не бывает, потому что платит кредит за эту новую машину и спешит достроить сыну коттедж, сноха опять беременная, нужно молодым помочь, и что ему это совсем не трудно, он привык к дороге. Говорил он бодренько, но нам показалось, что все-таки он устает, во всяком случае он выглядел каким-то резко постаревшим, наверно, не очень выспался.

Надюшка под его крылом все так же благоухала, работала как обычно в своем любимом ЗАГСе. Всю неделю жратва, а по субботам красный костюмчик, прическа, улыбочка, подбородочек приподнят.

– И вот теперь, когда вы скрепили подписью свое решение вступить в законный брак. Я попрошу вас обменяться кольцами... – да, я все еще помню ее прибаутки, – ...обменяться

кольцами в знак любви и верности.

На штампованном подносе с фальшивой позолотой лежали наши кольца, дешевые турецкие пятьсот восемьдесят пятой пробы, уж простите, на большее денег у бедных студентов не хватило. Как старая проститутка, Надюшка наблюдала с умилением наши интимные манипуляции с пальчиками. Фотограф снимал три кадра: Надюшка с подносом, дальше муж надевает мне колечко, потом я ему надеваю. У меня, кстати, в этот самый момент была совершенно лисья морда, хотя я ничего такого не имела в виду, но, видимо, когда стреляешь дичь, когда пересекаешь две сплошные или когда надеваешь мужчине обручальное кольцо, просыпаются у тебя какие-то неожиданные охотничьи инстинкты.

Через десять лет мы сняли эти кольца, муж с мылом, а мое легко соскакивало, мы побросали их в дальний комод, даже сейчас не найду, где валяются, потому что никакие кольца, никакие штампы, никакие семейные праздники от скуки не спасают, от скуки спасает только дорога.

Нам надоело продавать резину, и мы из Краснодара переехали. Как мы вообще могли всем этим заниматься? Мы поняли, что давно уже спим за рулем, и нам пора срочно менять свой маршрут, чтобы наша семейка не скатилась в кюветик. Так что с нашим кудрявеньким дальнобойщиком мы попрощались и в родное Черноземье тоже наведывались редко, обычно приезжали на Новый год и на Пасху в наш маленький город к родителям.

Та зима была теплой, снега не было вообще. Тридцать первого было плюс два, и все в нашем городке заговорили про глобальное потепление, про конец света. Надюшка тоже говорила про конец света, второго января я к ним пришла, в их мерзкий ЗАГС, мне нужно было срочно восстановить мое утерянное свидетельство о рождении. Я спешила, отпуск неделю, я мялась как сиротка у ее стола, а эта стерва рассуждала с коллегами про потепление и про конец света.

На следующий день резко похолодало и повалил снег. Начались такие сильные метели, что мы никак не могли выехать. Снежные заносы, на дорогах гололедица, ветер порывистый черт-те сколько метров в секунду, заторы и пробки на десятков километров. Мело неделю, и все заговорили про ледниковый период и снова про конец света. Мы ждали, когда все это кончится, и днем, когда на несколько часов стихало, выходили чистить снег.

А чем еще заняться? В эти страшные новогодние выходные? Весь город чистил снег, почистят снег и отмечают, что почистили. И муж Надюшкин тоже чистил. Ему пришлось отменить поездки, он застрял на приколе, и все выюжные дни чистил двор, дорожку до ворот и проезд перед домом, куда не подъезжают трактора.

Вечером опять мело, утром от тропинок ничего не осталось, и можно было начинать сначала. А можно было бросить и не возиться с этим снегом, неделю пометет потом само растает, но не было других занятий в нашем городке, тем

более у дальнобойщиков. Без дороги он просто не знал, куда девать свою жизнь, поэтому с этим снегом дошел до фанатизма. Двор у него был выскоблен до плитки, он почистил себе, почистил соседке, ее муж запил с тридцать первого, домишко у них занесло до окошек, и все равно она увидела, как сосед полез на крышу.

Надюшка загнала его туда. Она же всегда умела поставить мужику задачу, ей показалось, что снега слишком много, что под тяжестью крыша рухнет, и он послушал, полез на крышу, поскользнулся и упал. Он сломал позвоночник, в больнице пролежал месяц, домой его вернули на носилках.

– Сколько он будет лежать? – волновалась Надюшка.

Ей никто не ответил, никто не знал, сколько он точно будет лежать. Прошло полгода, муж лежал, и никакого прогресса не было.

– Ну хоть бы кресло!.. – Надюшка жаловалась девочкам с работы, не забывая, как обычно, жевать во все лопатки. – Хоть бы он в кресле сидел... я б его хоть катала... а так потягай на себе... надрываюсь... сын когда зайдет, когда нет... был бы в кресле, мы бы ему инвалидку купили...

Надюшку снова никто не жалел, коллеги жалели ее несчастного мужа, а ей кивали из вежливости. Никто не понимал, как вообще пришло такое в голову? Загнать мужика на скользкую крышу? Зачем? Какой, к чертям собачьим, снег? У нас никто зимой не чистит крыши, сколько снега ни нападает – никто не чистит никогда, и ничего не рухнуло ни-

где ни разу. Сосульки падали на голову, случалось. А чтобы крыша? От снега? За всю свою жизнь в Черноземье я не видела ни разу, чтобы кто-то чистил снег на крыше.

Мужчина стал лежачим инвалидом. Надюшка с ним измучилась, морда осунулась у нее, но с аппетитом было все в порядке, она как раньше носила на работу вкусненькое и молотила со всеми, временами вздыхая:

– Не знаю... Что делать – не знаю... так и лежит... ноги как палки стали...

В церковь иди, что еще могли посоветовать наши девочки, у них на все случаи жизни только два совета: или в церковь, или к бабке. И она побежала замаливать грехи, мужнины грехи, своих у нее не было.

Надюшка замаливала мужнин блуд, разврат его пре-лю-бо-де-я-ние – это слово трудное она читала по слогам с бумажки, Надюшка приготовила бумажку со списком мужнинных грехов, тех, о которых знала. Отец Василий, простой конкретный поп, в прошлой жизни он был на стройке про-рабом, ее листок смотреть не стал, сказал, что каяться должен каждый сам за себя, и запросил подробную отчетность у самой Надюшки, он требовал, чтобы она ему не мужнины грехи читала, а свои.

– Лежачий он... – бухтел Василий. – И что мне, что он у тебе лежачий? Говорить может? Вот пусть сам исповедуется, а ты пришла, вот про себе и рассказывай, он за себе пусть сам ответит, а ты за себе отвечай.

– Какие у меня грехи? – растерялась Надюшка.

– Ня знаю я, какие у тебе грехи. Вспоминай.

Надюшка опустила голову и виновато молчала. Жизнь прошла – вспомнить нечего. Да, сквернословие, чревоугодие, сплетни, выпила лишнего, в пост нажралась и прочие мелкие грешки водились у нее, как и у всех людей, но по большому счету никаких серьезных преступлений она не совершала. Аборты не делала, не развратничала, не воровала, доносы не писала и даже не завидовала никому... «Особо уж так прям-то чтобы». Приличная женщина, между прочим, а я ее тут целый день полоскаю. К тому же умница, ведь она молилась за мужа, она же каждый день молилась за здоровье мужа, ухаживает за лежачим инвалидом, несмотря на то что он всю жизнь от нее гулял. Святая женщина практически у нас Надюшка получается.

У отца Василия таких святых был целый приход, поэтому насчет грехов у него был простейший чек-лист.

– К бабке ходила? – он сразу спросил.

И ага! Надюшка задрожала, бабку вспомнила, покаялась, и, как вышла из храма, сразу побежала к той бабке. Ее осенило, что во всем виновата та самая бабка. Конечно! Это бабка его приковала к постели! Она подстроила, чтобы он на женщин даже не глядел. Надюшка ворвалась к той аферистке и начала кричать, она ей угрожала:

– Я в милицию пойду! Ты его покалечила! Я на тебя в налоговую напишу! Ты человека покалечила! В администра-

цию пойду!

Естественно, бабка была ни при чем. Тем более, как я вам говорила, это была никакая не бабка, то была пробивная тетька, которая зарабатывала неплохо на наших нервных де-вушках, и кстати, недурно окучивала всю администрацию. Дурь, женская дурь была ее статьей дохода, никакого волшебства в этом бизнесе не было. Но, разумеется, аферистка не стала это все объяснять, она держала марку.

– Что ты просила, то я тебе и сделала, – ответила она сурово, как они умеют, эти ряженые ведьмы. – Остался дома, не изменяет, на баб не смотрит – что тебе еще надо?

– Он упал с крыши! – объясняла ей бедная Надя. – Снег полез чистить и с крыши упал! Позвоночник поломан! Он у меня теперь лежачий!

– А я причем? – рыкнула аферистка, но, видно, все-таки чего-то испугалась и неожиданно слезливо, с визгом, как мелкая собачонка, запричитала: – Упал он с крыши у тебя... Когда упал? Когда он у тебя упал? Я об этом и не знала! Я его с крыши не толкала! Я его туда не загоняла! Я твоего мужа в глаза не видела! Я к твоему дому никогда не подходила!

Аферистка начала заговаривать зубы, вспоминать, как проводили обряд, как она шептала на фото, плевала, обжигала края...

– ...а ты сбежала от меня! Обряд не завершила! Ты его сама и оставила без защиты!

Вероятно, это мракобесие довело Надюшку до нервного

расстройства. Девочки в ЗАГСе давно замечали, что она стала резкая, нервная, и начала не просто грубить, а даже кричала на посетителей. Дошло до того, что в субботу на регистрации брака у нее случился приступ агрессии, и она потеряла контроль над собой.

Надюшка начала свою речь как обычно, торжественно, размеренно, приподнимая подбородочек, сначала было все по тексту: «...брак – это серьезный поступок... готовы ли вы дать клятву любви и верности... готовы ли вы нести этот крест в печали и в горести, в болезни и радости»... И где-то тут ее понесло. Она зашипела на молодых, точно так же, как дома на мужа шипела.

– Я вас спрашиваю!.. – заорала Надюшка. – Молодой человек, я к вам обращаюсь! Что вы тут стоите улыбаетесь? Я спрашиваю – вы готовы? Ты! Ты, кобель и твоя шалава, вы готовы дать клятву любви?.. И верности?.. Чего молчите? Стыдно стало? Привыкли по кустам шарахаться! У нас тут ЗАГС! Общественное место! Государственное учреждение! А эта вырядилась как на панель! Ляжки свои показала! У невесты должно быть длинное платье! Родители! Вы куда смотрели?

Конечно, инцидент попытались перевести в шутку, маэстро урезал марш, Надюшку увели под белы ручки, невесте дали нашатырь, гостям скорее добавили шампанского, молодая сотрудница вышла закончить обряд. Что случилось? Непонятно. То ли Надюшку взбесило короткое платье невесты,

то просто нахлынуло. Больше подобное с Надюшкой не повторялось, но на всякий случай ее убрали с должности регистратора, и снова в нашем ЗАГСе началась скучная жизнь, и брачные церемонии с торжественными речами как и прежде похожи на дешевую художественную самодеятельность.

Мы узнали об этом осенью, в ноябре, он сам позвонил нам. Надюшкин муж сказал, что продает свой новый грузовик и объяснил, какая у него травма. Он сказал, что больше работать не сможет поэтому машину срочно нужно продавать, кредит за нее он почти уже выплатил.

– Не продавай! – я очень за него расстроилась. – Он тебе еще нужен! И не обязательно работать самому. Ты можешь сдать свой грузовик в аренду. А сам лечись! Тебе нужна серьезная клиника, что ты лежишь в райцентре? Ты еще поднимешься!

– Не поднимусь, – он усмехнулся.

– Подожди... Хочешь, я найду тебе врача? – я у него спросила, а он ответил:

– Нет. Я уже ничего не хочу.